

СОФИЯ ВУЛ

ПИСЬМА С ЧУЖИМ ПОЧЕРКОМ

СЕМЕЙНАЯ САГА

София Вул

Письма с чужим почерком. Книга 3

<https://litres.ru/74330812>

SelfPub; 2026

Аннотация

У Маши отняли не только прошлое — теперь у неё пытаются отнять имя. Документы меняются за одну ночь, родные забывают друг друга, а в девяти городах появляются дети, чьи судьбы связаны с таинственной программой. Чтобы спасти свою семью, Маше предстоит найти Первую мать и раскрыть истинное назначение архива, который годами переписывал чужие жизни. Но последняя ступень протокола уже запущена, и остановить её можно лишь ценой самого дорогого — права человека самому решать, кем он является.

Заключительная книга семейной саги «Письма с чужим почерком» — история о памяти, родстве, прощении и выборе, который сильнее любых документов.

София Вул

Письма с чужим почерком. Книга 3

СОФИЯ ВУЛ
ПИСЬМА С ЧУЖИМ ПОЧЕРКОМ
СЕМЕЙНАЯ САГА
КНИГА ТРЕТЬЯ

Глава 1. Девятый вагон

Три часа семнадцать минут — достаточно, чтобы пересечь границу.

И слишком мало, чтобы понять, кто именно увозит чужого ребёнка.

Кирилл сидел на переднем пассажирском сиденье и смотрел на красную точку, двигавшуюся по экрану телефона. Поезд шёл медленно, но не останавливался. Линия под ним давно исчезла с современных карт. Только старая железнодорожная схема, найденная Антоном в архиве, подтверждала: путь существовал.

Сорок лет назад по нему возили торф.

Тридцать лет назад ветку официально разобрали.

Сейчас по ней двигался состав из девяти вагонов.

— Сигнал снова пропал, — сказал Антон.

Красная точка замерла посреди серого поля.

— На сколько? — спросила Лиза.

— Пока на десять секунд.

— В прошлый раз было семь.

— Я умею считать.

Лиза сидела сзади, сжимая ремень безопасности обеими руками. Она не обиделась на резкость. За последний час они все говорили так, будто каждое лишнее слово отнимало у Веры воздух.

Алина вела машину. Дождь стучал по крыше, дворники едва успевали очищать стекло. Дорога уходила между тёмными деревьями. Ни одного встречного автомобиля. Ни одного освещённого дома.

— Точка появилась, — сказал Кирилл.

Теперь поезд двигался в другом направлении.

Не к границе.

На север.

Алина посмотрела на навигатор.

— Там нет путей.

— Есть, — ответил Антон. — Просто на карте их нет.

Он развернул распечатанную схему. Бумага была старой, линии местами стёрлись. Ветка раздваивалась возле станции Волково: одна часть вела к закрытому торфяному комбинату, другая — к городу, название которого София произнесла перед их отъездом.

Реченск.

Там родились Людмила, Нина и Марина.

Там, по старым документам, появилась на свет Вера — женщина, чьё имя потом давали другим девочкам, как платье, из которого одна выросла и которое передали следующей.

— До Реченска семьдесят километров, — сказала Алина.

— Поезд туда не идёт, — ответил Антон. — Он свернул раньше.

— Куда?

Антон провёл пальцем по почти невидимой линии.

— К технической станции.

— Она действует?

— Официально — нет.

Кирилл не отрывался от экрана.

Красная точка снова остановилась.

До первой остановки оставалось два часа сорок девять минут, если верить сообщению. Но теперь никто не знал, было ли это настоящим временем или очередной цифрой, специально выбранной из их прошлого.

Три семнадцать.

Время исчезновения Маши.

Номер объекта.

Количество часов до остановки.

Программа любила повторения. Повторение превращало случайность в знак, а знак — в приказ.

— Откуда передаётся сигнал? — спросила Лиза.

— С телефона, который оставили в доме, — ответил Антон.

— Телефон у нас.

— Именно.

Лиза наклонилась вперёд.

— Тогда мы следим не за поездом?

Антон промолчал.

— Отвечай.

— Мы следим за координатами, которые кто-то отправляет на телефон. Это может быть маяк в поезде. Может быть заранее созданный маршрут. Может быть человек, который едет совсем в другом месте.

— То есть Вера может находиться где угодно?

— Да.

Лиза отвернулась к окну.

Кирилл ожидал, что она потребует остановиться, проверить роддом, вернуться к Ольге или изменить маршрут. Но она только спросила:

— Почему мы всё равно едем к станции?

— Потому что третий конверт настоящий, — сказал Кирилл.

Он достал его из внутреннего кармана.

Плотная серая бумага. Восковая печать с деревом и девятью корнями. Надпись «Моей настоящей семье» была сделана чёрными чернилами.

Почерк казался знакомым.

Не Машин. Не Виктора. Не Андрея.

Кирилл видел эти буквы раньше, но не мог вспомнить где.

— София сказала, что девятый шкаф находится в поезде,

— продолжил он. — Значит, состав существует. Даже если Веры там нет, в нём может быть архив.

— Или ловушка, — сказала Алина.

— Это уже не выбор между ловушкой и безопасностью.

Только между разными ловушками.

Машина свернула с шоссе. Асфальт закончился, началась разбитая дорога. В свете фар возник ржавый знак: «Проезд запрещён».

Под ним кто-то недавно привязал белую детскую ленту.

Лиза увидела первой.

— Останови.

Алина затормозила. Лиза вышла прежде, чем Кирилл успел удержать её. Дождь сразу промочил волосы и плечи. Она подошла к знаку, надела перчатки и осторожно сняла ленту.

На ткани голубыми нитками было вышито имя:

«София».

— Такие дают в роддоме? — спросил Кирилл.

— Нет. В роддоме пластиковые браслеты.

На обратной стороне виднелось бурое пятно.

Антон осветил фонарём.

— Похоже на кровь.

Лиза прижала ленту к ладони.

— Младенческая?

— По виду крови возраст не определяют.

— Я не это спрашиваю.

— Я знаю.

Антон положил ленту в пакет. В траве возле знака обнаружили следы. Один человек вышел из машины, подошёл к обочине и вернулся.

Следы были крупными, мужскими.

Рядом — отпечаток узкой трости.

— Он был не один, — сказала Алина.

— Или пользовался тростью, — возразил Кирилл.

— Человек, который вынес ребёнка через окно, не хромал.

Лиза посмотрела на тёмную дорогу.

— Значит, здесь его кто-то ждал.

Они вернулись в машину.

Красная точка опять двигалась.

До станции оставалось двадцать минут.

Первым появился свет. Одинокий жёлтый прямоугольник висел среди деревьев. Затем из темноты выступило здание: низкое, кирпичное, с провалившейся крышей и часами над входом.

Стрелок у часов не было.

На стене сохранилась надпись «ВОЛКОВО-2».

— На схеме станция называется Северной, — сказал Ан-

тон.

— Значит, переименовали.

— Или это другая.

Вдоль платформы тянулись рельсы. Они не были ржавыми. Головки блестели в свете фар, будто поезд прошёл совсем недавно.

Алина заглушила двигатель.

Тишина оказалась плотнее темноты.

Ни стука колёс.

Ни детского плача.

Ни голосов.

Антон запретил выходить, пока группа не проверит территорию. Две полицейские машины должны были подъехать с восточной стороны, но связь пропала. Рация отвечала помехами.

— Нас глушат, — сказал он.

— А координаты продолжают приходить, — заметил Кирилл.

Красная точка находилась прямо перед ними.

На пустой платформе.

Антон достал оружие.

— Остаётесь в машине.

— Нет, — одновременно сказали Кирилл и Лиза.

— Тогда хотя бы не идите впереди меня.

Они вышли.

Дождь прекратился так внезапно, словно над станцией

стояла крыша. С деревьев падали тяжёлые капли. Где-то скрипела незакреплённая металлическая пластина.

Дверь вокзала была открыта.

Внутри горела одна лампа. Под ней стояла детская коляска.

Лиза бросилась первой.

Кирилл догнал её у порога.

Коляска оказалась пустой. На матрасе лежал белый конверт с именем Ольги и игрушечные часы без стрелок.

— Не трогай, — сказал Антон.

— Веры здесь нет.

— Мы пока не знаем.

На стене висело расписание. Все строки были закрашены чёрной краской, кроме одной:

«Поезд № 319. Прибытие — после рождения».

Внизу мелко приписано:

«Отправление — после выбора семьи».

Алина осмотрела кассу. За мутным стеклом стояли девять деревянных ячеек. В восьми лежали ключи. Девятая была открыта и пуста.

— Девятый шкаф, — сказала она.

— Это не шкаф, — ответил Антон.

— Для ребёнка любое закрытое место может называться как угодно.

Кирилл достал конверт, который дала Маша. Размер совпадал с пустой ячейкой.

— Его нужно положить сюда?

— Или открыть, — сказала Лиза.

— Маша сказала, что открыть можем только все вместе.

— Нас трое из семьи.

Алина посмотрела на неё.

— А я?

Лиза не сразу поняла вопрос.

— Ты тоже.

— Тогда нас четверо.

Антон отвернулся к двери, проверяя платформу. Он не спросил, считается ли членом семьи. Возможно, потому что знал ответ. Возможно, потому что не хотел слышать.

Кирилл сломал печать.

Внутри лежал лист, сложенный девять раз.

И старая фотография.

На снимке стояли девять женщин. Все держали на руках младенцев. Лица детей были закрыты одинаковыми белыми платками. Позади виднелся вагон с цифрой девять.

В центре сидела очень старая женщина.

На обороте фотографии кто-то написал:

«Первая София и восемь её дочерей».

Ниже была приписка другим почерком:

«Одна из дочерей родила Виктора. Остальные родили программу».

Лиза развернула письмо.

Текст занимал всего несколько строк.

«Если вы читаете это вместе, значит, ребёнок уже в девятом вагоне. Не ищите его мать среди тех, кто родил. Не ищите отца среди тех, чьё имя указано в документах.

У объекта 319 девять возможных семей.

Восемь должны отказаться.

Девятая получит ребёнка».

— Что значит “должны отказаться”? — спросила Лиза.

Снаружи донёсся гудок.

Далёкий, низкий.

Рельсы под ногами задрожали.

— Поезд, — сказал Антон.

Из-за поворота появился свет. Он приближался медленно, прорезая туман. Сначала Кирилл увидел локомотив, затем тёмные окна вагонов.

Один.

Два.

Три.

Он считал их, пока состав проходил мимо платформы.

Девять.

В последнем вагоне горел свет.

За стеклом стояла женщина в белом платье. Она держала ребёнка и смотрела прямо на Лизу.

— Вера! — крикнула Лиза.

Женщина подняла младенца выше.

На его запястье блеснул браслет.

Поезд не остановился.

Антон побежал вдоль платформы, пытаясь догнать последний вагон. Кирилл схватил Лизу за руку, когда она шагнула к рельсам.

— Отпусти!

— Ты не успеешь!

— Там ребёнок!

Окно девятого вагона поравнялось с ними.

Женщина прижала ладонь к стеклу.

На пальце у неё было кольцо Людмилы — старое серебряное кольцо, которое та потеряла в санатории больше сорока лет назад.

Женщина улыбнулась.

И Кирилл узнал её.

Не по лицу.

По движению головы, едва заметному наклону вправо, который он видел на старой плёнке.

Так двигалась его бабушка.

Первая София.

Женщина, которой должно было быть сто девять лет.

Поезд скрылся в темноте.

Через несколько секунд красная точка на телефоне снова пришла в движение.

Но теперь она удалялась не по рельсам.

Она находилась у них за спиной.

В пустом здании вокзала что-то заплакало.

Лиза вырвалась и побежала внутрь.

Плач доносился из-за стены с девятью ячейками.

Антон отодвинул кассовый шкаф. За ним обнаружилась узкая металлическая дверь без ручки. На поверхности был выцарапан тот же знак — дерево с девятью корнями.

Из-за двери снова послышался младенческий крик.

— Вера! — позвала Лиза.

Плач мгновенно прекратился.

А затем детский голос, слишком взрослый и отчётливый для новорождённого, произнёс:

— Это не моё имя.

Глава 2. Не моё имя

— Это не моё имя.

Голос за металлической дверью прозвучал тихо, но отчётливо. Не запись, включённая на полной громкости, не помеха в старом динамике. Казалось, ребёнок действительно находился по ту сторону стены.

Лиза ударила ладонью по двери.

— Вера!

Ответа не последовало.

Антон оттеснил её в сторону и осмотрел металлическое полотно. Замка не было. Ручки тоже. Только девять неглубоких отверстий вокруг знака с деревом.

Алина направила фонарь внутрь одного из них.

— Это замочные скважины.

Все посмотрели на восемь ключей из кассовых ячеек. На

них были насечки и знаки: круг, дерево без корней, окно, птица. Кирилл понял, что это не номера, а события и имена. На спрятанной между слоями письма кальке обнаружились восемь имён: Людмила, Нина, Марина, Елена, Анна, Лиза, Алина и Маша. В центре оставалось пустое место для Софии.

Под именами проступили слова: «Каждая должна произвести отказ».

— От ребёнка, — сказал Кирилл.

— Нет, — ответила Лиза. — Сначала человека заставляют сказать слова, которые якобы ничего не значат. Потом оказывается, что именно эти слова решили его жизнь.

За дверью заплакал младенец. Затем голос сменился: четырёхлетняя Маша позвала мать и сказала, что ей холодно. Лиза узнала фразы, произнесённые после исчезновения дочери в торговом центре. Запись использовала старые страхи семьи.

Кирилл спросил голос Ольги о надписи на холодильнике. Ответ прозвучал правильно: корица. Значит, тот, кто управлял записью, слышал разговоры в защищённой квартире.

На телефоне появились восемь аудиофайлов. Людмила, Нина, Марина, Елена и Анна одинаковыми голосами произносили: «Я отказываюсь от Софии». Файлы Лизы и Алины были пустыми. В Машином звучал отказ участвовать: слова под угрозой принадлежат тому, кто угрожает.

Красная линия появилась напротив имени Маши. Один

ключ повернулся сам, и в стене открылся проход под платформу.

На первой ступени лежал девятый ключ с биркой: «София. Возраст: 109 лет».

В подземном коридоре они нашли кровать с куклой и динамиком. Под матрасом лежал старый браслет с номером 319 и железнодорожный билет до Реченска на имя Софии. Датой отправления было завтра.

Фотография показывала Ольгу в больничной палате. Под снимком стояло условие: «Мать номер девять должна выбрать: вернуть дочь или сохранить имя».

Ольга сообщила, что ей принесли документ — отказ от имени Вера. В обмен обещали вернуть дочь.

— Ничего не подписывайте, — сказала Лиза. — Они не возвращают то, что забрали. Они только меняют условие.

Мужской голос из динамика объявил, что первый отказ не принят.

Кирилл очистил старую бирку. Под номером 319 скрывался номер 317, а надпись относилась не к первой Софии, а к Людмиле Орловой, которую кто-то недавно оформил матерью ребёнка.

На телефон пришло сообщение: «Одна мать отказалась. Осталось семь».

На фотографии Людмила сидела в кухне «Дома имён» перед подписанным листом: «Я отказываюсь от Софии». В отражении окна стоял мужчина с татуировкой в виде часов без

стрелок.

Глава 3. Первый отказ

Людмила не помнила, как подписала документ.

Камера показывала: она ответила на звонок, выслушала неизвестного, достала бумагу и собственноручно написала отказ. Разговор продолжался три минуты семнадцать секунд. На внутренней стороне локтя обнаружился свежий след укола.

Маша предположила, что вещество ввели раньше, а звонок стал командой. Человек с татуировкой присутствовал только на присланной фотографии: на видеозаписи за окном никого не было.

В тексте Людмила отказывалась не от конкретного ребёнка, а «от Софии и всех прав, возникающих из материнства».

Она вспомнила санаторий. Каждой девочке давали младенца, которого называли Софией. Нужно было кормить его, успокаивать, привыкать, а затем подписывать отказ. Если девочка плакала, младенца приносили снова. Людмила подписала восемь раз. На девятый вместо отказа написала: «Меня зовут Людмила».

После этого её увезли в комнату без окон, а затем передали другой семье.

На верхнем этаже Катя нашла конверт с фотографией младенца. На снимке рядом стояла молодая Светлана. Видео показало, как тринадцать лет назад она выбирала между дву-

мя свидетельствами о рождении — Кати и Маши — и отказывалась от второй девочки.

Светлана не помнила процедуры. Катя спросила, выбрала ли мать её сама или подчинилась приказу. Ответа не было.

На больничной таблице стояли номера 317, 318 и 319. Под 317 — Кирилл, под 318 — Маша, под 319 — пустая графа. Стало ясно, что номер обозначает не конкретного человека, а этап программы.

Голос первой Софии объявил: одна мать отказалась, одна дочь выбрана. До прибытия поезда семь женщин должны решить, кого считать своим ребёнком. Первый ключ повернулся, и отказ Людмилы был принят.

Тем временем Кирилл, Лиза, Алина и Антон нашли под машиной передатчик координат. Фотография девяти основательниц оказалась современной постановкой: у одной женщины были пластиковые часы, а в центре сидела Марина, изображавшая первую Софию.

На обороте снимка значились даты появления нужных детей, от рождения Людмилы до рождения Веры. Девять семей собирали заново для каждого нового цикла.

Полицейская группа обнаружила поезд в Реченске. Все вагоны были пусты. В девятом оставались тёплая бутылочка, кровать и второй браслет с номером 319. На стене висели восемь портретов женщин семьи и пустое место для девятого.

Под ним написали: «Мать появится, когда восемь дочерей

откажутся быть дочерьми».

Глава 4. Город матерей

Реченск встретил их запахом мокрого кирпича и яблок. На площади стоял памятник женщине с ребёнком — лицо скульптуры изначально сделали гладким. На постаменте было написано: «Материнству без имени».

Реченский дом матери пережил пожар. В главном здании теперь располагался архив, а на запасном пути стоял найденный поезд.

В девятом вагоне кровь и след узкой трости вели к скрытому люку. В багажном отсеке нашли связанную женщину в белом платье. Это была Наталья, мать Андрея Волкова, которую считали погибшей.

Она утверждала, что не держала Веру. Её заманили письмом сына, встретил мужчина с лицом Кирилла, после воды она потеряла сознание. В вагоне вместо окна работал экран, поэтому семья видела подготовленное изображение женщины с ребёнком.

Наталья называла Андрея Серёжей. Документы показали: объектом 319 прежде был он. Номер переходил от человека к человеку, как имя София.

В соседних вагонах хранились сотни фотографий — девять наборов по девять женщин. Одни семьи отвечали за письма, другие за документы, детей, воспоминания и перемещения. Девятая соединяла систему.

Список называл девять функций Софии: архив, отбор, перемещение, память, материнство, имена, продолжение, возвращение и ребёнок. Напротив девятой стоял номер 319.

В архиве обнаружили запись: Андрея передали «матери С-9». Адрес совпадал с домом, где вырос Кирилл. Возможно, дети жили рядом, в разные периоды и под разными именами.

Под старым родильным отделением располагались девять палат. Восьмую и девятую после пожара замуровали по приказу Ратникова. Архивистка Тамара сказала, что девятую открывают только по воскресеньям.

В полночь должна была прийти Мать города — женщина, которая никогда не называет имени.

В коридоре раздался стук трости. На стене появилась надпись: «Вторая семья готова отказаться».

Нина позвонила Алине и попросила не открывать палату девять. Она вспомнила, что родилась в Реченске и что у неё была дочь.

— Где она? — спросила Алина.

— Я отказалась от неё.

— Когда?

— Завтра.

Связь оборвалась, а на втором ключе появилась красная линия.

Глава 5. Палата девять

В полночь замурованная дверь открылась изнутри. За ней находилась обгоревшая палата и современное медицинское кресло. В нём сидела седая женщина с тростью, называвшая себя Матерью города.

Ей было около семидесяти, но один из девяти паспортов называл её Софией Орловой ста девяти лет. Возраст, как и имя, передавался следующей исполнительнице.

Настоящее имя женщины — Тамара Сергеевна Воронова. В Реченске архивисток знали под одним именем: когда одна уходила, другая становилась Тамарой.

В холодильнике палаты хранились образцы крови и ДНК Людмилы, Нины, Марины, Елены, Анны, Лизы, Алины и Маши. Девятая полка пустовала.

Тамара рассказала начало программы. После войны в город привозили детей без документов. Женщины выбирали чужих детей, а врачи пытались восстанавливать семьи. Затем проверку заменили «исправлением»: ребёнка учили узнавать назначенную мать, женщине создавали новую биографию. Виктор был не основателем, а ребёнком этой системы.

Образец Маши взяли в день её исчезновения в торговом центре. Тамара разговаривала с четырёхлетней девочкой и сказала, что мать — женщина, которую ребёнок выбирает после того, как узнает всё.

Лиза ударила Тамару и снова потребовала сказать, где Вера.

В комнате наблюдения девять экранов показывали разные

места. На девятом Вера лежала в кроватке рядом с мужчиной, имевшим лицо Кирилла.

Он назвался Павлом Орловым. По его словам, его и Кирилла воспитывали как братьев, но Людмила выбрала Кирилла, а напротив имени Павла написала «отказ».

Павел утверждал, что лицо тоже можно передать. Он показал документ, якобы подписанный Ольгой: имя Вера было зачёркнуто и заменено на Софию. Ольга ничего не помнила, но на её руке нашли след укола.

— Считается не подпись, — сказал Павел. — Считается сомнение.

Портрет Людмилы в вагоне почернел.

На другом экране появилась Нина. В комнате над мастерской она нашла младенческое платье и письмо: «Мою дочь назовут Алиной. Если я забуду, отдайте письмо ей».

Нина заявила, что является матерью Алины. Ключ Дениса открыл комнату, где хранилось письмо.

Павел сообщил, что второй отказ начинается с вопроса: кто из двух матерей имеет право назвать ребёнка дочерью?

Девятая полка холодильника выдвинулась. На новой пробирке было написано: «Вера». В графе «мать» стояло имя Алины.

Глава 6. Дочь Нины

Алина не поверила письму, но запомнила каждую букву. Денис не отвечал, и она решила вернуться в «Дом имён». Ки-

рилл пытался остановить её, однако Алина напомнила: программа всегда заставляет ехать туда, где находится любимый человек.

Перед отъездом она передала пробирку Кириллу и попросила сравнить ДНК Веры со всеми образцами.

Денис очнулся в комнате над мастерской. Дверь была открыта, руки не связаны. Нина сидела возле пустой кровати и была уверена, что видит новорождённую Алину.

На её руке обнаружился след укола. Нина сказала, что приходил врач с лицом Дениса и часами без стрелок. Он воспользовался вторым ключом.

Внизу появился двойник Дениса. Прозрачная маска повторяла лицо, а на запястье была татуировка. Мужчина признался, что использует имена Павла, Андрея и другие — те, которым люди готовы открыть дверь.

После драки он бежал через окно. Полиция нашла брошенную маску. Денис понял: преступник может выглядеть не кем угодно, а только тем, кому семья доверяет.

Когда приехала Алина, она потребовала доказать личность. Денис назвал детали, которых не было в архивах, и она поверила.

Нина рассказала о зелёной родильной комнате и двух младенцах. Ей предложили выбрать одного, но она отказалась. Тогда обоих унесли, а ей сказали, что дочь умерла.

Экспертиза показала: письмо Нины — подделка. Бумаге было пять лет, чернилам — не больше месяца. Но это не до-

казывало, что вызванное воспоминание полностью ложно.

Алина согласилась пройти новый анализ вместе с Ниной, лично наблюдая за взятием образцов. Если родство подтвердится, каждая должна будет сама решить, что это меняет.

На телефоне появился Павел. Он потребовал, чтобы Алина отказалась считать Нину возможной матерью. За это обещал вернуть Веру Ольге.

Алина отказалась участвовать.

Павел снял маску, и под ней оказалось лицо Марины — или Зои.

— Девятая семья всегда состояла из тех, от кого отказались первые восемь, — сказала женщина.

Затем пришёл готовый анализ ДНК, хотя настоящие образцы ещё не брали: вероятность материнства Нины составляла 99,99 процента. Алина удалила файл.

В стене комнаты открылось скрытое отделение с карточкой: «Алина. Мать: Нина. Статус: отказ не завершён».

Под ней лежала фотография двух новорождённых девочек. На браслете первой стояло имя Алины, на браслете второй — Веры. Снимок датировали сорок одним годом назад.

На обороте было написано:

«Объект 319 — не ребёнок. Это дочь, которую каждая мать получает второй раз».

Глава 7. Собственный анализ

Результаты пришли утром.

Не на телефон. Не письмом. Не через неизвестный адрес.

Лаборант лично принёс запечатанный конверт и передал его Алине в присутствии Нины, Дениса и двух полицейских. Перед этим они проверили его документы, машину, сумку и даже упаковку бахил.

После последних событий осторожность перестала казаться чрезмерной.

— Конверт не открывался, — сказал лаборант. — Образцы поступили под номерами. Имена я увидел только сейчас.

Алина провела пальцем по краю бумаги.

Нина сидела напротив. Она не задавала вопросов и не просила открыть быстрее. Всю ночь они провели в разных комнатах. Не потому, что поссорились. Просто обоим требовалось пространство, где можно было бояться без свидетелей.

— Открывай, — сказала Нина.

— Ты уверена?

— Нет. Но это уже ничего не меняет.

Алина разорвала конверт.

Внутри лежали три листа. Первый подтверждал подлинность образцов. Второй содержал таблицу совпадений. На третьем находилось заключение.

Вероятность материнства: 99,99 процента.

Нина закрыла глаза.

Денис подошёл к Алине, но не прикоснулся.

— Что там?

Она протянула лист.

Он прочитал и положил обратно.

— Анализ настоящий, — сказал лаборант. — Мы провели исследование дважды. Второй специалист не знал результатов первого.

— Ошибка исключена? — спросила Алина.

— В таких формулировках наука не работает. Но вероятность ошибки крайне мала.

— Насколько мала?

— Примерно один случай на несколько миллионов при условии, что образцы принадлежат указанным людям.

— Они принадлежат.

— Тогда Нина — ваша биологическая мать.

Слово «биологическая» осталось лежать между ними.

Нина заплакала беззвучно. Слезы текли по лицу, но она не пыталась приблизиться. Алина была благодарна именно за это.

— Ты знала? — спросила она.

— Нет.

— Никогда не подозревала?

— Иногда мне казалось, что ты похожа на девочку, которую я видела во сне. Но после всего, что со мной делали, я перестала доверять снам.

— Почему не проверила раньше?

— С кем? Я не знала, что искать тебя нужно среди собственных родственников.

— Мы жили рядом.

— Да.

— Ты видела, как я росла.

— Не всё время.

— Но видела.

— Видела.

— И ни разу не почувствовала?

Нина сжала пальцы.

— Я чувствовала слишком многое. Жалость. Страх. Вину. Любовь. Иногда всё одновременно. Если бы я называла материнством каждое сильное чувство, у меня было бы слишком много детей.

Ответ оказался честным. Поэтому ранил меньше, чем мог бы.

Алина снова посмотрела на заключение.

— Это ничего не меняет сегодня.

— Хорошо.

— Я не сказала, что не изменит никогда.

— Я поняла.

— И не называй меня дочерью перед другими.

— Не буду.

— Пока.

Нина кивнула.

Денис вышел проводить лаборанта. Полицейские остались в коридоре.

Несколько минут женщины сидели молча.

— Как ты меня назвала? — спросила Алина.

— Что?

— В родильной комнате. Если воспоминание настоящее.

— Алиной.

— Почему?

— У меня была младшая сестра. Она умерла в санатории.

По крайней мере, мне так сказали.

— Как её звали?

— Алина.

— Получается, я ношу имя умершей девочки?

— Возможно.

— Или живой, которую назначили умершей.

— Возможно.

Они обе почти улыбнулись. Это слово сопровождало семью так долго, что стало чем-то вроде семейной привычки.

Телефон Дениса зазвонил.

Он вернулся, посмотрел на экран и не ответил.

— Кто? — спросила Алина.

— Я.

Входящий вызов поступал с его собственного номера.

Аппарат продолжал звонить. На экране отображалась фотография, которую Алина сделала месяц назад: Денис спал в кресле с книгой на груди.

— Ответь, — сказала она.

— Это может запустить запись.

— Тогда включи громкую связь.

Денис принял вызов.

Сначала они услышали шум поезда. Затем мужской голос:

— Анализ подтвердился?

— Кто говорит?

— Ты уже знаешь.

— Павел?

— Сегодня — да.

— Что тебе нужно?

— Второй отказ.

Алина наклонилась к телефону.

— Его не будет.

— Он уже произошёл. Ты назвала Нину биологической матерью.

— Это не отказ.

— Для женщины, которая вырастила тебя, — отказ.

Алина замерла.

Она не подумала о женщине, которую всю жизнь считала матерью. Та умерла семь лет назад. По официальным документам — от сердечной недостаточности. После всего случившегося даже смерть перестала быть окончательным доказательством.

— Моя мать умерла.

— Одна из них.

— Как её звали?

— Как ты её называла?

— Ответь.

— Мама.

Связь оборвалась.

На телефон пришла фотография могилы. Плита была снята, земля раскопана. Внутри стоял пустой гроб.

— Когда сделали снимок? — спросила Нина.

Денис проверил данные.

— Сегодня утром.

Алина позвонила на кладбище. Сторож подтвердил: ночью неизвестные вскрыли могилу. Полиция уже находилась на месте.

— Тело украли? — спросил Денис.

— Тела не было, — ответила Алина.

Она помнила похороны. Закрытый гроб. Священника. Нину, стоявшую в стороне. Женщину не показали семье, потому что болезнь якобы изменила лицо.

— Почему гроб был закрыт? — спросила она.

— Ты сама попросила, — напонила Нина.

— Нет. Мне сказали, что так лучше.

— Кто сказал?

Алина попыталась вспомнить.

Мужчина из похоронного бюро. Серый костюм, спокойный голос, часы на запястье.

Без стрелок.

Она подошла к окну.

— Моя мать может быть жива.

— Женщина, которая тебя вырастила, — осторожно уточ-

нила Нина.

— Моя мать.

Нина побледнела, но кивнула.

— Да.

Алина обернулась.

— Я не отказываюсь от неё, признавая тебя.

— Я знаю.

— Они хотят заставить нас поверить, что для новой матери нужно освободить место.

— В санатории делали именно это. Нельзя было привязаться к следующему ребёнку, пока не подпишешь отказ от предыдущего.

— Тогда мы не станем выбирать.

Денис разложил на столе фотографии из скрытой комнаты. На одной были две новорождённые девочки с браслетами «Алина» и «Вера». Снимок датировали сорок одним годом назад.

Экспертиза установила, что фотографию напечатали недавно. Однако исходное изображение действительно было старым.

— Девочку рядом со мной звали Верой, — сказала Алина.

— Или на её браслете было это имя, — ответила Нина.

— Что с ней произошло?

Нина не помнила.

Они связались с Реченском. Кирилл сообщил, что анализ пробирки с именем Веры дал неожиданный результат. Мате-

риал принадлежал не младенцу, а взрослой женщине.

Возраст определить точно не удалось.

Митохондриальная ДНК совпадала с линией Нины и Алины.

— Значит, образец принадлежит моей сестре? — спросила Алина.

— Возможно, — сказал Кирилл.

— Девочке со старой фотографии?

— Если снимок настоящий.

— Тогда Вера — не имя ребёнка Ольги. Это имя второй дочери Нины.

Нина поднялась так резко, что стул упал.

— У меня были близнецы?

— Анализ этого не доказывает.

— Но может быть?

— Да.

Нина прижала ладонь ко рту.

— Я помню только одного ребёнка.

— Тебе могли показать двух после родов.

— Или я родила двух и выбрала одну.

— Ты сказала, что отказалась выбирать.

— Я уже не знаю, что сказала сама, а что вложили в память.

Алина подняла фотографию.

Девочки лежали рядом. Одна смотрела в сторону камеры. Вторая отвернулась.

На краю снимка виднелась женская рука.
На пальце — серебряное кольцо Людмилы.
— Она была там, — сказала Алина.

Нина посмотрела.

— Людмила принимала роды?

— Или выбирала ребёнка.

Они позвонили в «Дом имён». Маша ответила сразу. Людмила находилась под наблюдением врачей, но могла говорить.

— Я не помню родов Нины, — сказала она, увидев фотографию.

— Кольцо твоё?

— Похоже.

— Когда ты его потеряла?

— В санатории.

— До моего рождения?

— Да.

— Значит, кольцо мог носить кто-то другой.

Людмила долго рассматривала снимок.

— Рука левая.

— И что?

— Я носила кольцо на правой. На левую оно не налезало после перелома.

— Кто носил его на левой?

— Моя сестра.

— У тебя была сестра?

— У каждой из нас была сестра, пока программу не разделили на девять семей.

— Как её звали?

Людмила закрыла глаза.

— Вера.

В комнате стало тихо.

Имя снова оказалось старше человека, которому принадлежало.

— Она жива? — спросила Маша.

— Я видела, как она умерла.

— Где?

— В палате девять.

— Тело?

— Не видела.

— Значит, не знаешь.

Людмила открыла глаза.

— Нет. Теперь уже не знаю.

На телефоне Алины появилось новое сообщение.

«Второй отказ принят».

К нему прилагалась фотография пустого портрета Нины в девятом вагоне. Лицо женщины исчезло так же, как раньше лицо Людмилы.

— Но я не отказалась от Нины, — сказала Алина.

Следом пришёл аудиофайл.

Её собственный голос произносил:

— Моя мать умерла.

Фразу она сказала несколько минут назад.

Программа вырезала слова из разговора и превратила их в отказ.

— Это не имеет силы, — сказала Нина.

— Для них имеет.

На кальке в Волково вторая красная линия дошла до центра.

Два ключа повернулись.

Голос Павла прозвучал из телефона:

— Осталось шесть.

Затем появилось видео.

Женщина сидела в тёмной комнате. Лицо скрывала тень, но Алина узнала её по рукам.

Так женщина, вырастившая её, всегда складывала пальцы перед трудным разговором.

— Мама? — прошептала Алина.

Женщина подняла голову.

Она постарела, но была жива.

— Не ищи меня, — сказала она. — Если ты найдёшь меня, Вера умрёт второй раз.

Глава 8. Дом без адреса

Видео длилось двадцать три секунды.

Алина посмотрела его девять раз.

На десятый Денис забрал телефон.

— Хватит.

— Верни.

— Ты уже запомнила всё.

— Я могла пропустить деталь.

— Тогда найдём её вместе. Не надо снова смотреть только на лицо.

Он вывел запись на большой экран.

Женщина сидела на деревянном стуле. Позади — серая стена, окно с матовым стеклом и часы без цифр. На этот раз у часов были стрелки.

Они показывали три семнадцать.

— Это не прямой эфир, — сказал Денис.

— Почему?

— За окном светло. Сейчас почти полдень, но тени идут в другую сторону.

— Могли снять утром.

— Или много лет назад.

Алина приблизила руки женщины. На правом запястье виднелся шрам, которого она не помнила.

— У мамы не было такого шрама.

— Ты уверена?

— Я видела её руки каждый день.

— Значит, это может быть маска.

— Руки тоже подделывают?

— Шрам проще нарисовать, чем лицо.

Нина стояла у двери и не вмешивалась. Она считала, что не имеет права участвовать в разговоре о другой матери. Это

раздражало Алину почти так же сильно, как если бы Нина пыталась занять её место.

— Подойди, — сказала Алина.

— Зачем?

— Ты жила рядом с ней. Смотри.

Нина приблизилась.

— Это её голос.

— Голос можно собрать.

— Движения похожи.

— Какие?

— Она всегда поворачивала ладонь, когда говорила неправду. Будто показывала, что ничего не прячет.

На видео женщина действительно разворачивала правую ладонь.

— Значит, она лжёт, когда просит не искать?

— Или хочет, чтобы ты поняла обратное.

Денис усилил звук.

Помимо голоса слышался гул и периодический металлический удар. Каждые одиннадцать секунд.

— Поезд? — спросила Нина.

— Нет. Слишком равномерно.

Алина закрыла глаза.

Она слышала этот звук в детстве. Летом, когда мать привозила её в неизвестный дом. Там пахло яблоками и железом. По утрам кто-то бил молотком по трубе.

— Водонапорная башня.

— В Реченске? — спросил Денис.

— Возможно. Я видела такую при въезде.

Они отправили запись Кириллу.

Антон проверил башню. Она не использовалась двадцать лет, но под ней обнаружили действующий электрический кабель. Дверь закрывал новый замок.

Группа прибыла через десять минут.

Внутри никого не было.

На первом этаже стояли девять стульев. На втором — камера, серый фон и часы, которые можно было устанавливать на любое время.

Видео сняли там.

Но следы женщины вели не наружу, а к стене.

За металлическим шкафом нашли дверь без ручки. Она открывалась в узкий коридор, проходивший под землёй. Коридор заканчивался у кирпичной кладки.

На одном из кирпичей было написано:

«Дом не имеет адреса, если каждая дверь ведёт в другую семью».

План города показал, что за стеной находится частный дом. Его адрес менялся четыре раза. Сейчас здание официально не существовало: участок числился пустым.

Антон вошёл со стороны сада.

Дом был большим, деревянным, с девятью входами.

Каждая дверь отличалась цветом.

Красная.

Синяя.

Жёлтая.

Зелёная.

Белая.

Чёрная.

Серая.

Коричневая.

Девятая оставалась неокрашенной.

— Дом без адреса, — сказала Лиза.

Они стояли у калитки. На воротах не было номера. Почтовый ящик имел девять отделений.

В первом лежало письмо Людмиле.

Во втором — Нине.

Остальные были пусты.

— Отказы приходят сюда, — понял Кирилл.

— Или отсюда их отправляют.

Антон разделил группу. Каждую дверь открывали отдельно, фиксируя расположение комнат.

Красная вела в квартиру, где якобы жила Людмила в молодости.

Синяя — в комнату Нины.

Жёлтая — в кухню Марины.

Зелёная — в больничную палату Елены.

Белая — в дом Анны.

Чёрная — в спальню Лизы из детства.

Серая — в мастерскую Алины.

Коричневая — в школьную комнату Маши.

Все помещения соединялись центральным коридором, но изнутри выглядели частями разных домов.

Девятая дверь вела в детскую.

Кровать была пуста.

На стенах висели фотографии детей без подписей. Сотни лиц. Одни снимки старые, другие сделаны недавно.

Лиза подошла ближе.

— Здесь Маша.

Фотография дочери в четыре года. Та сидела на полу торгового центра и рисовала птицу.

Рядом находился снимок Кати.

Затем — Кирилл в детстве.

Алина.

Андрей Волков.

Павел.

Некоторые фотографии изображали одного и того же ребёнка под разными именами.

— Это каталог, — сказал Антон.

— Для выбора?

— Для назначения.

На обратной стороне каждого снимка стояли коды.

«Подходит Людмиле».

«Подходит Нине».

«Подходит Марине».

«Материнская реакция недостаточна».

«Ребёнок сопротивляется имени».

«Семья принята».

В отдельной коробке лежали снимки Веры. От рождения до сегодняшнего утра.

Последняя фотография показывала девочку на руках у женщины, вырастившей Алину.

Подпись:

«Мать восьмой семьи готова».

— Где они? — спросила Лиза.

Антон осмотрел изображение. За спиной женщины было окно. В отражении виднелась вывеска: «Приют святой Софии».

В городе такого учреждения не существовало.

Тамара сказала, что приют закрыли после войны. Здание снесли. На его месте построили родильное отделение.

— Значит, они в доме матери, — сказал Кирилл.

— Мы уже проверили все корпуса.

— Все современные.

Старый план показал ещё одно здание под внутренним двором. Его засыпали после пожара, а сверху разбили яблоневый сад.

Под садом находился первоначальный приют.

Антон приказал начать раскопки.

В доме без адреса продолжили обыск. В центральной комнате нашли стол с девятью микрофонами. Записи разговоров поступали сюда из «Дома имён», больницы, квартир и

автомобилей.

Программа слышала почти всё.

На стене висела схема восьми отказов.

Первый: мать отказывается от ребёнка.

Второй: дочь отказывается от матери.

Третий: сестра отказывается от сестры.

Четвёртый: женщина отказывается от собственного имени.

Пятый: семья отказывается от памяти.

Шестой: ребёнок отказывается от прошлого.

Седьмой: отец отказывается от дочери.

Восьмой: все отказываются от Софии.

Девятая строка была скрыта под чёрной полосой.

Кирилл попытался снять бумагу, но надпись вырезали.

— Следующим будет отказ сестры, — сказала Лиза.

— У кого здесь есть сестра?

— Теперь почти у каждой.

Людмила и Вера.

Нина и неизвестная женщина.

Алина и девочка со старой фотографии.

Маша и Катя, если программа считала их сёстрами.

Даже Ольга могла оказаться частью схемы.

Антон позвонил в «Дом имён».

Маша не ответила.

Второй звонок.

Третий.

Наконец трубку подняла Светлана.

— Маша ушла.

— Куда?

— В сад. Пять минут назад.

— Катя?

— С ней.

— Немедленно найдите их.

Во дворе обнаружили две куртки и открытые ворота. Камера показывала, как девочки выходят сами. Рядом никого не было.

На столе в комнате Маши лежало письмо.

«Чтобы третья семья не отказалась, две девочки должны решить, являются ли они сёстрами».

К письму прилагались координаты.

Они вели к железнодорожному мосту.

До прибытия поезда оставалось три часа семнадцать минут.

Маша не считала, что их похитили.

По крайней мере, пока.

Она и Катя шли по тропинке вдоль старых рельсов. Впереди двигался маленький механический вагончик. На нём стояла коробка с динамиком.

Голос давал инструкции.

Если они останавливались, вагончик тоже замирал.

— Мы можем вернуться, — сказала Катя.

— Можем.

— Почему не возвращаемся?

— Потому что тогда они пришлют кого-нибудь за нами.

Лучше идти туда, куда мы уже сообщили.

Перед выходом Маша оставила включённый передатчик в подошве ботинка. О нём не знали даже родители. Устройство подарил Антон после первого исчезновения, но просил использовать только в крайнем случае.

Этот случай подходил.

— А если передатчик заглушат?

— Тогда останутся следы.

— Какие?

Маша показала пакет семечек в кармане.

— Серьёзно?

— Птицы лучше людей находят еду.

Катя улыбнулась.

— Ты всегда такая спокойная?

— Нет. Просто когда страшно, говорю больше умных вещей.

Вагончик остановился у моста.

Под ним стоял микроавтобус. Дверь открылась.

Внутри сидела женщина.

Лицо было открыто.

Маша узнала её сразу.

— Марина?

— Иногда.

— Зоя?

— Раньше.

— Павел?

Женщина улыбнулась.

— Уже догадалась.

— Вы не один человек.

— Наконец-то.

Из глубины машины вышел мужчина с татуировкой часов.

Затем второй.

Третий.

Все носили одинаковые серые костюмы. Лица отличались.

— Павел — это девятая семья? — спросила Маша.

— Павел — имя тех, кого не выбрали отцами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.